

оригинальная статья

Европейская (ЕС) критическая аналитика в поисках ответов на новые вызовы

Михайленко Валерий Иванович

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0002-2576-212X>

valery.mikhaylenko@urfu.ru

Поступила в редакцию 11.05.2022. Принята после рецензирования 31.05.2022. Принята в печать 31.05.2022.

Аннотация: Вплоть до сегодняшнего дня внешняя политика Европейского союза ассоциируется с нормативной силой, которая рассматривается как основной инструмент мягкой силы. Кризис глобального управления, происходящий под влиянием ряда внешних и внутренних факторов, оказывает влияние на изменения глобальной стратегии ЕС. В статье поставлена задача исследовать основные дискуссионные точки реформирования глобальной стратегии ЕС по наиболее актуальным темам. В качестве исходного материала рассматриваются публикации европейских мозговых центров и отдельных аналитиков. В ЕС выстроен механизм взаимодействия между аналитическими центрами и политическими лидерами. Вследствие этого европейская аналитика оказывает влияние на обоснование концепций и подходов, которые затем облекаются в законодательные формы. С другой стороны, через научную аналитику происходит апробация принимаемых решений. В статье обращается внимание на разработку следующих тем европейскими аналитиками: трансформация стратегической культуры ЕС, обращение к геополитике в стратегических документах ЕС и роли нормативной силы, обсуждение стратегической автономии ЕС, использование дифференциации и фрагментации как инструментов политики, влияние российской военной специальной операции на концепции мирового порядка, постепенный отход от единогласия при принятии ответственных решений и концепция прагматичного федерализма, внесение изменений в военное строительство и роль Стратегического компаса.

Ключевые слова: Европейский союз, европейские мозговые центры, ценности, интересы, нормативная сила, стратегическая культура, геополитика, стратегическая автономия, дифференциация и фрагментация, Стратегический компас

Цитирование: Михайленко В. И. Европейская (ЕС) критическая аналитика в поисках ответов на новые вызовы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 326–332. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-326-332>

full article

European Critical Analytics in Search of Answers to New Challenges

Valery I. Mikhaylenko

Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

<https://orcid.org/0000-0002-2576-212X>

valery.mikhaylenko@urfu.ru

Received 11 May 2022. Accepted after peer review 31 May 2022. Accepted for publication 31 May 2022.

Abstract: Until today, the European Union (EU) has associated its foreign policy with normative power, which is the main instrument of soft power. However, the crisis of global governance has affected the global strategy of the EU. The article explores the most pressing of these changes. The research was based on official publications made by various European think tanks and individual analysts. The EU has an effective mechanism for interaction between think tanks and political leaders. As a result, the European analytics can justify various concepts and approaches that later acquire legislative forms. Also, the scientific analytics makes it possible to test the decisions being made. The article focuses on the following EU issues: new strategic culture; geopolitics and normative power in strategic documents; strategic autonomy; differentiation and fragmentation as policy tools; the end of unanimity in making responsible decisions; the concept of pragmatic federalism; military development; the so-called Strategic Compass; the Russian military special operation and the concept of world order, etc.

Keywords: European Union, European think tanks, values, interests, normative power, strategic culture, geopolitics, strategic autonomy, differentiation and fragmentation, Strategic Compass

Citation: Mikhaylenko V. I. European Critical Analytics in Search of Answers to New Challenges. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 326–332. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-326-332>

Введение

В Европейском союзе разработкой новых предложений по переосмыслению внешней политики ЕС занимается большая группа аналитиков, как объединенных в мозговые центры (*think tanks*), так и индивидуальных. В результате выдается большой объем качественной аналитики, и особенно ценными являются новые методологические подходы и технологии исследований. В ЕС сложилась короткая дистанция между аналитиками и политиками. К примеру, над Глобальной стратегией 2016 г. работала итальянская команда аналитиков из римского Института международных отношений (*Istituto Affari Internazionali*) под руководством Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини.

В представленной статье значительное внимание уделено концептуальным подходам бельгийского ученого Свена Бископа, профессора Гентского университета, директора программы «Европа в мире» в Королевском институте международных отношений (Эгмонт Институте). С. Бископ является одним из наиболее последовательных критиков внешней политики ЕС (но не евроскептиком). К его мнению прислушиваются военные и политики из Евросоюза. В 2018 г. вышло первое издание монографии С. Бископа под названием «Европейская стратегия в XXI веке. Новое будущее для старой державы», в которой автор подверг критике действовавшую концепцию внешней политики ЕС [1]. Год назад вышла новая книга С. Бископа «Великая стратегия в 10 словах. Руководство по политике великих держав в 21 веке» [2]. В статье анализируются работы бельгийского автора, опубликованные в *European Policy Briefs* Института Эгмонт¹.

В ЕС практикуется формирование временных научных коллективов, связанных с реализацией тематических научных грантов. В качестве примера можно привести эффективную исследовательскую и публикационную деятельность коллектива во главе с Таней Борзель и Томасом Риссе из Свободного университета Берлина. За время функционирования научной группы было издано свыше 90 рабочих тетрадей, обращенных к изучению внешней политики ЕС и региональных институтов в Латинской Америке, Африке, Азии, на Ближнем Востоке².

С 1983 г. представляет актуальную аналитику Центр европейских политических исследований (*Centre for European Policy Studies*), насчитывающий 60 сотрудников из 23 стран. В данной статье используются публикации сотрудника центра Захария Пайкина. Для раскрытия заявленной темы автор обращается и к другим публикациям европейских аналитиков.

Цель статьи – выделить и обобщить наиболее типичные ответы в европейской критической аналитике на современные внешнеполитические вызовы и под их воздействием на институциональные изменения в Европейском союзе.

Геополитика против нормативной силы Европейского союза

Многие годы визитной карточкой мягкой силы во внешней политике ЕС являлась нормативная сила. Понятие *нормативная сила* было введено в научный оборот Яном Маннерсом [3]. Он рассматривал нормативную силу как идентичность ЕС, определенный стандарт международного поведения ЕС и идеального международного порядка, общепризнанного и универсально применимого в рамках ООН. При этом акцент делался на невоенные формы экспорта нормативной силы ЕС. Я. Маннерс выделял шесть из них: влияние, передача, неформальное распространение, процедурное распространение, открытое распространение и культурный фильтр. Трудно представить себе ЕС как нормативную державу, утверждает Я. Маннерс, которая подает пример, если применяет принуждение для распространения своих норм [3].

В отечественной политической науке концепция нормативной силы ЕС проанализирована достаточно глубоко и содержательно [4–7]. Как отмечает Т. А. Романова, «в концепции нормативной силы Евросоюза речь идет о том, как ЕС участвует в ценностной конкуренции и как это влияет на его положение в мире» [6, с. 53]. Наиболее полный свод нормативных принципов ЕС представлен в Лиссабонском договоре, вступившем в силу 1 декабря 2009 г. На данный момент ЕС имеет обоснованную систему ценностей (*acquis communautaire* и *acquis politique*), которая помимо ценностей свободы, демократии, прав человека и верховенства закона включает социальные права, устойчивое развитие и предотвращение изменения климата [6, с. 55]. Что касается используемого инструментария экспорта нормативной силы, то, как справедливо обращает внимание Т. А. Романова, ЕС «балансирует между нормативной силой и имперской силой». В 2011 г. исследователь уже обращала внимание на избирательный характер применения нормативной силы ЕС в отношениях с внешними партнерами [6].

Некоторую ясность в обсуждение вопроса о «ядре» и «оболочке» нормативной силы вносит дискуссия между Я. Маннерсом и Т. Диезом. Я. Маннерс рассматривает ЕС как «проект будущего», в «процессе европейской интеграции нет окончательности». Он обращает внимание на рукотворность формулирования нормативной силы, при этом подчеркивая, что нормы «не являются абсолютно европейскими»³ [3].

Под влиянием таких международных вызовов, как арабская весна 2011–2014 гг., российская наступательная внешняя политика, активность Китая в ЕС и регионах мира, пандемия 2019–2022, Брюссель начал пересматривать внешнеполитическую стратегию.

¹ European Policy Briefs. URL: https://www.egmontinstitute.be/publication_parent/european-policy-briefs/ (accessed 23 Apr 2021).

² Kolleg-Forschgruppe "The Transformative Power of Europe". URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeurope/index.html> (accessed 4 May 2022).

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

В Европейской стратегии безопасности 2003 г. отмечалось, что «Европа еще никогда не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной». «Насилие первой половины XX века уступило место беспрецедентному в европейской истории периоду мира и стабильности»⁴. А в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. (Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy) было выделено пять приоритетов: безопасность ЕС; государственная и социальная устойчивость на востоке и юге ЕС; комплексный подход к конфликтам; региональные порядки, основанные на сотрудничестве; глобальное управление в XXI в.⁵ Два понятия – переосмысление (*rethinking*) и стрессоустойчивость (*resilience*) вошли как доминанты в лексикон европейских политиков и аналитиков.

ЕС крайне заинтересован в инвестировании как в государственную, так и в социальную устойчивость регионов к востоку и югу от своих границ. Эти новации нашли отражение в программных документах регионального сотрудничества ЕС: Связанность Европы и Азии (Connecting Europe and Asia) 2018 г.; ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более сильного сотрудничества (The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership) 2019 г.; Взаимосвязанность и отношения между ЕС и Азией (Connectivity and EU-Asia relations) 2021 г.; В направлении всеобъемлющей стратегии с Африкой (Towards a comprehensive Strategy with Africa) 2020 г. Экспорт европейских ценностей продолжает оставаться среди приоритетов внешней политики ЕС⁶, тем не менее в последние годы европейские аналитики все настойчивее поднимают вопрос о важности использования геополитики в планировании внешней политики.

Для реализации стратегии требуется использование политической, экономической, военной силы, для того чтобы побудить, убедить заставить других действовать в соответствии с нужными интересами. Умный стратег будет стремиться организовать беспроигрышные ситуации для защиты своих интересов, не создавая напряженности и не прибегая к принудительному использованию своей силы. Вот почему мягкая сила так важна, и именно через привлекательность европейской модели общества.

Однако, сетует С. Бископ, «старая Европа» забыла о важности использования «жесткой силы» принуждения (эмбарго, санкции, военная сила), если нет иного способа гарантировать «жизненно важные интересы» ЕС. По объему военных расходов ЕС занимает второе место в мире, однако ЕС не рассматривается как единое целое и как мировой центр силы. «Европа, через Европейский Союз, должна действовать как великая держава в 21 веке» [1, р. 1–2], – утверждает бельгийский ученый. «Цель внешней политики – защитить ваши интересы, сделать так, чтобы европейцы могли продолжать жить так, как они выбрали. Суть внешней политики не в том, чтобы изменить образ жизни других людей»⁷.

Стратегическая автономия и прагматичный федерализм

С. Бископ полагает, что стратегическая автономия является европейским проектом на многие десятилетия. Это позволит ЕС стать глобальным игроком наряду с США, Китаем и Россией. В мире конкурирующих держав – это один из немногих способов защитить свои собственные интересы⁸. ЕС сможет принять участие в формировании нового мирового порядка только в том случае, если будет проводить политику как консолидированная группа. При этом ЕС не должен стремиться стать такой же великой державой, как другие, ценой отказа от уникальной эгалитарной модели общества. Поэтому ЕС должен отличаться собственной стратегией. Для этого у него имеются необходимые средства [1, р. 4].

Разногласия в ЕС относительно принятия пакетов санкций против России обострили обсуждение реформы ЕС, предполагающей отказ от принципа консенсуса при принятии важнейших решений⁹. В выступлении главы правительства Италии М. Драги перед Европейским парламентом в апреле 2022 г. прозвучало предложение о трансформации ЕС в направлении «прагматичного и идеального федерализма». М. Драги исходил из того, что способ принятия решений общим консенсусом создает препятствия для быстрых и эффективных решений «в строительстве европейской обороны». Поэтому он отстаивал позицию, согласно которой условием эффективной политики ЕС является полное исключение единогласного голосования в пользу квалифицированного большинства¹⁰.

⁴ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 8 Dec 2003. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (accessed 4 May 2022).

⁵ Новая глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности. 01.07.2016. URL: <https://eap-csf.eu/new-global-strategy-for-the-european-unions-foreign-and-security-policy-rus/> (дата обращения: 02.05.2022).

⁶ Börzel T. Es gibt eine europäische Identität. 3 May 2022. URL: <https://www.deutschland.de/de/topic/politik/eu-zeigt-einigkeit-im-ukraine-krieg> (accessed 7 May 2022).

⁷ Borrell J., Mahbubani K., Tooze A., Pirozzi N., Sie Dhian Ho M., Biscop S. European foreign policy in times of Covid-19. A Conversation with High Representative for the EU. 5 May 2021. URL: <https://geopolitique.eu/en/2021/05/05/european-foreign-policy-in-times-of-covid-19/> (accessed 12 May 2021).

⁸ Ibid.

⁹ Уткин С. Почему ЕС трудно отказать от единогласного принятия решений. *Forbes*. 08.05.2022. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/464971-evropejskaa-perestrojka-pocemu-es-trudno-otkazat-ot-edinoglasnogo-prinatia-resenij> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁰ Bonvicini G. Il lungo cammino del federalismo europeo. 5 May 2022. URL: <https://www.affarinternazionali.it/discorso-draghi-parlamento-federalismo-europeo/> (accessed 10 May 2022).

Наряду с темой дальнейшей консолидации ЕС в европейском экспертном сообществе поднимается вопрос относительно важной роли фрагментации и дифференциации в европейском строительстве. Научный проект «Интеграция и дифференциация ЕС для эффективности и ответственности» (EU Integration and Differentiation for Effectiveness and Accountability – EU IDEA) ведет группа исследователей римского Института международных отношений в рамках программы «Горизонт 2020». Авторы рассматривают дифференциацию как важный инструмент придания европейской интеграции большей гибкости. Например, в сфере обороны было начато постоянное структурированное сотрудничество, позволяющее группам желающих и способных государств-членов объединить усилия посредством новых гибких механизмов. Дифференциация может быть использована в других ключевых областях политики ЕС, где единообразие нежелательно или недостижимо, предлагая разнообразные модели сотрудничества между ЕС и странами-кандидатами, потенциальными странами-кандидатами и ассоциированными третьими странами¹¹.

В развитии этой темы представляет интерес исследование финских ученых Туомаса Исо-Маркку и Тиине Карьялайнена, обращенное к фрагментации [8]. Они исследовали три основные европейские системы обороны, которые возникли в последние годы «на обочине структур ЕС и НАТО»: разработанная Германией Рамочная концепция наций (Framework Nations Concept, FNC), Объединенный экспедиционный корпус (Joint Expeditionary Force, JEF) под руководством Великобритании, Европейская инициатива вмешательства (European Intervention Initiative, EI2) под руководством Франции. Несмотря на то, что потенциал этих структур остается до сих пор «в значительной степени не доказанным», имеет значение связывание европейских акторов через существующие институциональные барьеры и усиление взаимодействия между ними [8]. Авторы считают, что пока глубокое объединенное оборонное сотрудничество ЕС остается недостижимым, гибкие форматы сотрудничества могут идеально способствовать возникновению необходимых предварительных условий, предоставляя возможность для более тесного сотрудничества в рамках более мелких и менее разнообразных групп.

Аналогичный подход может быть использован при осуществлении сотрудничества со странами, не входящими в ЕС. Например, Норвегия не входит в ЕС, но является членом Европейской экономической зоны с 1994 г. Она поддерживает уникальные правовые, политические и практические отношения с ЕС в количестве более 70 соглашений. Таким образом, дифференцированные модели отношений могут расширить возможности взаимоотношений третьих стран с ЕС [9].

В течение года через различные общественные институты были собраны и обобщаются девятью рабочими группами тысячи предложений для Конференции о будущем Европы. Но уже сегодня можно предположить, в каком направлении будет осуществляться реформирование ЕС.

Прежде всего, центральные институты должны получить полномочия для вмешательства в те сектора, которые пока являются прерогативой национальных органов, но которые по своей природе требуют принятия совместных решений и коллективной ответственности. Это здравоохранение, оборона и энергетика. Чтобы действовать своевременно и эффективно, необходимо определить новые формы интеграции и дифференциации. ЕС не может функционировать без укрепления гибких методов сотрудничества между государствами и более упорядоченных процедур принятия решений. Формы дифференцированной интеграции уже предусмотрены в Договорах, в частности посредством расширенного сотрудничества, ими являются еврозона, Шенгенская зона и постоянное структурированное сотрудничество в области обороны. Ни в коем случае дифференциация не должна касаться основополагающих ценностей Союза, таких как верховенство закона или соблюдение прав человека, которые чреваты риском чрезмерной фрагментации или даже распада.

В связи с запросами о членстве в ЕС со стороны Украины, Грузии и Молдовы концепция гибкости может приобрести другое, более стратегическое значение, например, путем предложения нескольких моделей сотрудничества между Евросоюзом и странами-кандидатами.

Необходимо отказаться от консенсусного голосования и ввести процедуры квалифицированного большинства там, где единодушие бывает недостижимым, как в областях внешней политики, безопасности и обороны, прав человека и санкций.

Но всеобъемлющая реформа потребует модификации договоров. В связи с этим Европейский парламент потребовал созыва конференции, которая должна открыть учредительную фазу в соответствии со статьей 48. Момент подходящий, заключает Н. Пироцци, но для этого потребуются сильная политическая воля государств-членов и постоянное участие граждан¹².

Влияние российской специальной военной операции на проекты переустройства мирового порядка

Специальная военная операция России выступила в роли триггера международных процессов. С. Бископ полагает, что до начала российской операции ухудшение отношений России и Китая с ЕС и США означало, что мировой порядок рискует распасться на два соперничающих блока: Россия и Китай – с одной стороны, США и ЕС – с другой.

¹¹ Integration and Differentiation for Effectiveness and Accountability. URL: <https://euidea.eu/> (accessed 7 May 2022).

¹² Pirozzi N. Serve un'Europa che parli di futuro. 9 May 2022. URL: <https://www.affarinternazionali.it/serve-uneuropa-che-parli-di-futuro/> (accessed 9 May 2022).

Однако с 24 февраля 2022 г. все выглядит не столь однозначно. Чем больше западные санкции отражаются на России и мировой экономике, тем сложнее другим государствам делать свой выбор в пользу России¹³.

Анализируя позицию Китая по отношению к российской военной специальной операции, С. Бископ, Б. Дессен и Я. Роктус исходят из того, что «Пекин ведет себя как ответственный партнер»¹⁴. Отсюда они делают вывод, что «молчаливый прагматизм ставит Китай на сторону собственных интересов». Каждый из четырех глобальных акторов сотрудничает или не сотрудничает с каждым из остальных четырех в зависимости от своих интересов. Китай и Россия считают друг друга близкими партнерами против предполагаемой американской гегемонии. В связи с особенностями внутривластного положения Китай заинтересован в международной стабильности. Россия, напротив, проводит активную военно-политическую стратегию, позволяющую максимально использовать свои ресурсы в условиях нестабильности. Российский президент добивался многополярности, имея в виду отрицание однополярности США. Теперь, утверждают авторы, своими действиями российский президент вызвал настоящую многополярность. Только мировой порядок, включающий все великие державы нашего времени, может быть по-настоящему стабильным. Личные интересы Китая могут в достаточной мере пересекаться с интересами ЕС. «Это означает, что мы находимся в действительно многополярном мире»¹⁵, – заключают авторы.

Более пессимистично на будущую конфигурацию мирового порядка смотрит М. Нери Гуалдеси. Автор исходит из предположения относительно складывающегося системного соперничества между трансатлантическим блоком (НАТО, ЕС, G7), простирающимся до Индо-Тихоокеанского региона (Австралия, Южная Корея, Япония, Новая Зеландия), и евроазиатским блоком, возглавляемым Россией и Китаем. Несмотря на действия в Украине, Россия менее изолирована на международной арене, чем думают на Западе. В то время как 93 страны действительно проголосовали за исключение РФ из Совета ООН по правам человека, 100 стран, представляющих 76 % населения мира, хотя и по совершенно разным причинам, этого не сделали. В связи с вышесказанным, считает М. Нери Гуалдеси, «перед Западом стоит задача принять вызов перехода к новому мировому порядку»¹⁶.

Исходя из изменившейся под влиянием российских действий международной обстановки должна быть пересмотрена политика ЕС в отношении России. З. Пайкин рассуждает на тему того, что же осталось из сформулированных ранее пяти принципов политики ЕС в отношении Москвы. Пять принципов включали: 1) Минские соглашения / санкции; 2) отношения ЕС с бывшими советскими республиками; 3) устойчивость ЕС по отношению к российским угрозам; 4) избирательное взаимодействие с Россией; 4) поддержку гражданского общества / контактов между людьми¹⁷.

После 24 февраля 2022 г. ранее установленные принципы политики ЕС в отношении России «представляются почти мертвыми». Поэтому, утверждает З. Пайкин, стратегия ЕС в отношении России находится на переломном этапе. ЕС занимает непримиримую позицию в том, что постсоветские страны должны иметь возможность свободно выбирать свою экономическую, политическую и даже геополитическую ориентацию. Отношения с Москвой окажутся серьезной проблемой независимо от того, выйдет ли Россия из современного кризиса более уверенной и реваншистской или репрессированной и униженной. Евросоюзу придется взять на себя ответственность за политику в отношении России. Европейский союз должен укрепить свою жесткую силу. Однако в этом кризисе решимость ЕС должна сочетаться с видимыми попытками деэскалации. После завершения этого кризиса на повестке дня будет стоять задача построения некой инклюзивной европейской системы безопасности¹⁸.

Рассматривая перспективы решения российско-украинского конфликта, Дж. Бонвичини из Римского института международных отношений отмечает, что ЕС не должен добиваться полного военного поражения России, как это звучало на встрече 26 апреля 2022 г. в Рамштайне. Позиция ЕС должна заключаться в том, чтобы побудить обе стороны сесть за стол переговоров. ЕС с его экономическим весом действительно может предложить Украине большой пакт о восстановлении и ассоциации, а России – будущую отмену жестких экономических санкций. Но делать это нужно, проводя собственную политическую линию, не обязательно совпадающую с линией США¹⁹.

В этом плане важную итальянскую точку зрения озвучил президент республики Серджо Маттарелла. Он предлагает

¹³ Biscop S. War Aims. 9 May 2022. URL: https://www.egmontinstitute.be/war-aims/?utm_source=the+Egmont+mailing+list&utm_campaign=6cebfc6e7-Europe-and-great-powers-playing-our-Trump-cards_CO&utm_medium=email&utm_term=0_6fda39e199-6cebfc6e7-219852835 (accessed 9 May 2022).

¹⁴ Biscop S., Dessein B., Roctus J. Putin is Creating the Multipolar World He (Thought He) Wanted. 7 Mar 2022. URL: <https://www.egmontinstitute.be/putin-is-creating-the-multipolar-world-he-thought-he-wanted/> (accessed 22 Apr 2022).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Neri Gualdesi M. La guerra della Russia all'ordine internazionale. 9 May 2022. <https://www.affarinternazionali.it/guerra-putin-occidente-fine-multilateralismo/> (accessed 9 May 2022).

¹⁷ Paikin Z. The European security order after Putin's aggression. W(h)ither the 'right to choose'? 9 Mar 2022. URL: <https://www.ceps.eu/the-european-security-order-after-putins-aggression/> (accessed 22 Apr 2022).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Bonvicini G. Il lungo cammino del federalismo europeo. 5 May 2022.

брать в качестве точки отсчета для корректировки мирового порядка не Ялтинский мир, а Хельсинскую конференцию 1975 г. Обоснование президента выглядит следующим образом: «Хельсинки, а не Ялта; диалог, а не испытание на прочность между великими державами, которые должны понимать, что таковыми они становятся все меньше и меньше». Поэтому необходимо конкретно говорить о «новой архитектуре международных отношений в Европе и в мире, разделяемой, вовлекающей, без предвзятых привилегированных позиций»²⁰.

С. Бископ исходит из того, что коллективную территориальную оборону ЕС обеспечивает через инструменты НАТО вместе с США, Канадой и другими союзниками, не входящими в ЕС. Но остальные первоочередные задачи в области внешней политики и безопасности Евросоюз при необходимости должен решать самостоятельно. Для исключения ненужного дублирования в военной области и координации оборонных усилий создана структура Постоянного структурированного сотрудничества (Permanent Structured Cooperation, PESCO) [2].

Два года назад Еврокомиссия поручила подготовить новый политический и стратегический документ, названный Стратегическим компасом (Strategic compass). Главы государств и правительств ЕС 24 марта 2022 г. одобрили Стратегический компас, дорожную карту для того, чтобы определить реальные угрозы и усилить свои позиции в сфере безопасности и обороны. Документ разделен на четыре корзины: Действие, Безопасность, Инвестиции и Партнеры²¹. Глубокий анализ новой стратегической инициативы Евросоюза является темой отдельного обращения. Пока рассмотрим реакцию европейских экспертов.

С. Бископ, который с 1999 г. пропагандировал усиление интеграции в военной области, не скрывает своего удовлетворения в связи с одобрением Стратегического компаса. Он исходит из того, что страны-члены ЕС, чей совокупный военный бюджет является вторым в мире, расходуют военные средства расточительно и неэффективно из-за фрагментации и отсутствия интеграции в военной сфере²². Кроме того, бельгийский эксперт подвергает критике существующую систему интеграции европейских

вооруженных сил на уровне национальных батальонов. Одна из его статей называется достаточно резко – «Убить батальоны» (Kill the Battlegroups). В качестве альтернативы батальонам он противопоставляет создание «Потенциала быстрого реагирования» (Rapid Deployment Capacity) на уровне бригад, т. е. до пяти тысяч человек, с таким расчетом, чтобы ЕС мог развернуть в случае необходимости 12–15 бригад²³.

Заключение

Обращение к европейской критической аналитике является важным ресурсом для отечественных исследователей изучения актуальной внешней и внутренней политики ЕС и прогнозирования их динамики. Это связано, прежде всего, с открытостью, свободой критической аналитики и высоким уровнем научного анализа и рекомендаций как отдельных исследователей, так и многочисленных национальных и интернациональных мозговых центров в ЕС. Другая важная особенность европейской аналитики заключается в наличии системы и механизмов взаимодействия мозговых центров и евробюрократии. Произведенный европейскими аналитиками научный продукт достаточно быстро продвигается и усваивается не только политической элитой, но и становится достоянием массового потребителя. Наконец, в ЕС уделяется большое внимание прогностической деятельности (*foresight*), разработке сценариев, оценке будущей политики. В качестве примера сошлемся на выполненный по заказу Еврокомиссии аналитический прогноз до 2040 г. об открытой стратегической автономии ЕС. Над документом в 75 страниц трудилась интернациональная группа из 14 человек [10]. Обращение к этому документу является отдельной, самостоятельной темой исследования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / Reference

1. Biscop S. *European Strategy in the 21st century. New future for old power*. N. Y.: Routledge, 2018, 166.
2. Biscop S. *Grand Strategy in 10 words. A guide to great power politics in the 21st century*. Bristol: Bristol University Press, 2021, 262.

²⁰ Intervento del Presidente della Repubblica Sergio Mattarella all'Assemblea Parlamentare del Consiglio d'Europa. Strasburgo, 27 Apr 2022. URL: <https://www.quirinale.it/elementi/67082> (accessed 4 May 2022).

²¹ Blockmans S., Macchiarini Crosson D., Paikin Z. The EU's Strategic Compass: a guide to reverse strategic shrinkage. 31 Mar 2022. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-eus-strategic-compass/> (accessed 29 Mar 2022).

²² Biscop S. A European Defence Summit in May 2022: From Compass to Capabilities. 21 Apr 2022. URL: https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2022/04/Sven-Biscop_PolicyBrief275_v2.pdf?type=pdf (accessed 1 May 2022).

²³ Biscop S. Kill the Battlegroups. 18 Nov 2021. URL: https://www.egmontinstitute.be/kill-the-battlegroups/?utm_source=the+egmont+mailing+list&utm_campaign=4dc095d55f-Europe-and-great-powers-playing-our-Trump-cards_CO&utm_medium=email&utm_term=0_6fda39e199-4dc095d55f-219852835 (accessed 20 Apr 2022).

3. Manners I. Normative power Europe reconsidered: beyond the crossroads. *Journal of European Public Policy*, 2006, 13(2): 182–199. <https://doi.org/10.1080/13501760500451600>
4. Алексеенкова Е. С. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 5. С. 62–72. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72>
Alekseenkova E. S. PRC discursive force against the normative force of the EU: the case of Italy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, 64(5): 62–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72>
5. Игумнова Л. О. Критика нормативной силы Европы в России. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 7. С. 122–133.
Igumnova L. O. Normative power Europe critique in Russia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2014, 7: 122–133. (In Russ.)
6. Романова Т. А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2011. № 1. С. 52–66.
Romanova T. A. The normative power of the European Union and its conflictual perception in Russia as a barrier for the EU-Russian legal and political approximation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofii. Kulturologiia. Politologii. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2011, (1): 52–66. (In Russ.)
7. Savorskaya E. V. The concept of the European Union's normative power. *Baltic Region*, 2015, (4): 66–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-5>
8. Iso-Markku T., Karjalainen T. Flexible Defence Cooperation in Europe: FNC, JEF and EI2. *EU IDEA Policy Briefs*, 2022, (6). URL: https://www.iai.it/sites/default/files/euidea_pb_6.pdf (accessed 20 Mar 2022).
9. Græger N., Haugevik K. Differentiated Integration and EU Outsiders: A Norwegian View. *EU IDEA Policy Papers*, 2022, (19). URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/differentiated-integration-and-eu-outsiders-norwegian-view> (accessed 20 Apr 2022).
10. Cagnin C., Muench S., Scapolo F., Stoermer E., Vesnic Alujevic L. Shaping and securing the EU's open strategic autonomy by 2040 and beyond. *Luxembourg*, 2021. <https://doi.org/10.2760/727114>